

НОВЫЕ ОТВЕТЫ НА СТАРЫЕ ВЫЗОВЫ (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

Предваряя выход в свет очередного выпуска альманаха «Религия. Церковь. Общество», по уже сформировавшейся традиции мы обратимся к тем процессам, которые волновали отечественное сообщество религиоведов в уходящем 2017 г. Сразу следует оговориться, что сообщество это малочисленное, а поэтому и волны, как правило, не бывают высокими. Тем не менее они становятся заметными, когда к дискуссиям подключается пресса и особо беспокойные пользователи интернета, готовые разнести по свету любую, даже весьма сомнительную информацию — ради накрутки посещаемости своих ресурсов. Приходится констатировать, что технологии «информационного общества» влияют на развитие науки, причем не самым положительным образом. Отличительной чертой религиозной проблематики является то, что исследования религии оказываются легко политизируемыми, поскольку выводы, касающиеся современного состояния религиозной ситуации в регионе, легко превращаются в аргументы идеологических споров и инструмент влияния на местную власть.

К сожалению, научное изучение религии часто оказывается недостаточно резистентным к подобным искушениям, подчиняя научную непредвзятость заранее заданным идеологемам. Ранее мы говорили, причем в различных форматах: в дискуссиях на диссертационных защитах, научных публикациях и «ритуальных кофе-брейк-разговорах» с коллегами на конференциях о том, что основными проблемами научного изучения религии является отсутствие разработанной методологии и источниковедческих инструментов. Ясно, что данная проблематика не может быть разрешена быстро, но ситуация отягчается тем, что на нерешенность этих проблем наслаивается растущая политизация дискурса. В связи с этим одной из миссий нашего альманаха является противостояние данной тенденции: если история не является политикой, опрокинутой в прошлое, то уж

и религиоведение не является политикой, забрасываемой в будущее. Казалось бы, для этого нужно не так много: констатировать, что наука не защищает права, но ищет истину, и следовать этому в исследовательском праксисе, но на деле все оказывается сложнее.

К сожалению, приходится отмечать, что так называемое «правозащитное религиоведение» бьет рекорды в состязаниях по внедрению двойных стандартов в оценках религиозной проблематики: контент-анализ соответствующих публикаций позволяет говорить о формировании мифологии «гонимых меньшинств», мифология эта, возможно, весьма лестная, поскольку придает кому-то величие в собственных глазах, весьма далека, однако, от реального положения дел. Причем, что показательно, постепенно внедряется мысль, что закон должен защищать не всех, но только маргиналов; идея, являющаяся юридической «ересью» и формой правового нигилизма. «Маргиналократия» якобы гонимых меньшинств является столь же тоталитарной системой организации общества, как и породивший ее либеральный фашизм¹. Нас же беспокоят не только сами эти идеологемы, но и то, что подаются они в формате научно доказанных истин.

Как писал в 1875 г. литератор и государственный деятель А. В. Никитенко, «после всего испытанного нашим обществом в недавнем прошлом протест и оппозиция — явления неизбежные. Мало того, они необходимые элементы общественной и государственной жизни, которая без них теряет равновесие, застаивается и глохнет. И потому протестуйте, господа, — это ваше право и даже долг, — но пусть протест ваш покоится на прочных началах разума и совершается не во имя ваших личных, узких мировоззрений и страстей, а во имя широких общечеловеческих идеалов правды и добра. Но не так думают и поступают наши современные протестанты. Ослепленные ненавистью к недугам прошлого, они все в нем без разбора бранят и клянут, ополчаются против всего, часто

---

¹ Goldberg J. Liberal fascism the totalitarian temptation from Mussolini to Hillary Clinton. New York, 2007.

даже вопреки разуму и истории, и не замечают, что у самих под ногами еще не сложилась почва и что в своей нетерпимости они становятся представителями нового и чуть ли не еще вящего деспотизма, чем прежний. Нет, господа, истина не так легко дается»².

Другая, не менее существенная проблема, связана со сложностями продолжающейся институционализации теологии в пространстве отечественной академической науки. Мы ждем от недавно созданного диссертационного совета по теологии интересных в научном отношении дискуссий, академической активности, но ее нет. Отчасти в этом виновато научное сообщество: в какой-то степени диссертационный совет всегда является срезом научного сообщества — максима про отношение к зеркалу, отражающему ассиметричную физиономию, здесь весьма уместна. Естественным образом институционализация теологии оказалась значительным вызовом для российского религиоведения, более или менее успешно претендовавшего на своего рода монополию на научное изучение религии. На самом деле этой монополии никогда не было: религиозные явления и процессы активно и весьма плодотворно изучали историки, этнографы, филологи, социологи, политологи, специалисты в области культурологи etc., etc. Но когда теология (достаточно деликатно) заявила свое право на научный статус, причем не оспариваемый практически нигде в цивилизованном мире, это вызвало беспокойство и недоумение среди значительной части профессиональных религиоведов. Как представляется, причин здесь несколько.

Во-первых, нельзя сбрасывать со счетов субъективный фактор: поколение преподавателей, выросших на «религиоведении от Емельяна Ярославского», страстных обличителей эксплуататорской сущности религии, вдохновенных разработчиков директив ЦК «Об усилении атеистической работы с населением», как говорится, *noblesse oblige*. И совсем уже странно сегодня читать апологетику «научного атеизма»,

---

² Никитенко А. В. Записки и дневник: В 3 т. Т. 2. М., 2005.

столь блестяще продемонстрировавшего свою концептуальную несостоятельность фактически полной не востребованностью атеистических изданий сегодняшними читателями. В данном случае современный книжный рынок является прекрасным показателем.

Но и среди неангажированных исследователей существует недоверие к теологии, основанное на опасениях, что развитие теологии приведет к тем же последствиям, что и диктат «правозащитного религиоведения», хотя и в другой модальности. Следует признать, что определенная опасность здесь существует, и для того, чтобы она осталась чисто гипотетическим предположением, нужно способствовать методологическому и концептуальному взаимодействию научного религиоведения и научной теологии. Наверное, лучшим средством, способным минимизировать риски политизации и идеологизации изучения религии, является разработка критериев научности, что позволит разграничить дискурсы.

Разумеется, и «либерально-обличительное» и «консервативно-обличительное» обращение к религиозной проблематике имеет право на существование, отпор должны встречать претензии подобных подходов на статус научных — «ради вашей и нашей науки». Может быть, идеала пушкинского летописца из «Бориса Годунова» сразу достичь сложно, но для начала нужно перестать держать кукиш в кармане, независимо от того, какому идеологическому бренду он адресован. Это во всех отношениях полезно — одной рукой неудобно хотя бы работать на клавиатуре. Особенно в преддверии президентских выборов и сопряженных с ними политических и социальных процессов важно последовательно разграничивать научный подход и политтехнологии.

Принципы, в соответствии с которыми редколлегия формирует состав альманаха «Религия. Церковь. Общество», вполне умещаются в подобную парадигму. Нас не интересуют политические, идеологические, конфессиональные предпочтения наших авторов, но мы убедительно

просим оставлять их за текстом. Конечно, авторский контекст при этом остается и насыщенным, и информативным, но при условии научной нейтральности это скорее фактор, обогащающий исследовательский арсенал, а не обедняющий его.

Другой принцип, которым руководствуется редколлегия, можно определить как широта охвата предметного поля. Мы стремимся, чтобы предметом исследований были религиозные феномены, явления и продукты религиозной культуры, относящиеся к различным спектрам христианского конфессионального пространства. Как уже следует из названия альманаха, его материалы посвящены научному исследованию преимущественно христианства, но это не исключает полностью возможность публикации материалов, посвященных иным религиозным традициям и культурам.

Соответственно этому можно определить и следующий принцип: традиционно выступая за междисциплинарную кооперацию, мы с удовольствием предоставляем возможность для публикации материалов, показывающих, как и насколько теологический подход дополняет и обогащает религиозноведческий и наоборот. Диалектика научного процесса доказывает, что этический и эмический подходы к изучению сложных социокультурных феноменов не только обогащают друг друга, но не могут существовать друг без друга, как не может быть в принципе чистой апофатики и катафатики.

Анализ паспортов специальностей «религиоведение» и «теология» (ради экономии места сократим официальные названия документов) показывает, что точек соприкосновения между ними достаточно много. И не свидетельствует ли это о том, что от дисциплинарной раздробленности научный дискурс стремится к интеграции, в результате которой можно будет говорить о «научном изучении религии» — мультидисциплине, которая заменит современную стратификацию?

ВЫПУСК V

В завершение остается пожелать авторам и читателям альманаха новых творческих успехов, интересных и плодотворных дискуссий, интенсивного научного поиска в грядущем 2018 году.

Александр Михайлович Прилуцкий
д. филос. н., профессор,
РГПУ им. А. И. Герцена (набережная р. Мойки, д. 48/20а, Санкт-Петербург, Россия, 191186)
alpril@mail.ru

Aleksandr Michaylovich Prilutskiy
Doctor in philosophy, professor,
Herzen State Pedagogical University of Russia (naberezhnaya reki Moiki, 48/20а, Saint-Petersburg, Russia, 191186)
alpril@mail.ru